

**ПЕСНЯ "ЕРМАК И ТУРЕЦКИЙ СУЛТАН" [XVI, № 377]:
 ОБОГАЩЕНИЕ СТЕРЕОТИПА**

Статья подготовлена в рамках государственного задания ФАНО России (проект XII.192.1.4. Миф и история в фольклоре и литературе бурят и русских сибиряков: универсалии и специфика, номер госрегистрации № АААА-А17-117021310268-2)

Аннотация: В статье рассматривается трансформация традиционной фабулы песен о этническом герое во вражеской темнице в тексте "Ермак и турецкий султан" из сборника Кирши Данилова. Показывается, что в песне моделируется принципиально новая для русского песенного фольклора ситуация – нарушение норм международных дипломатических сношений.

Ключевые слова: историческая песня, трансформация стереотипа.

Igumnov Andrey Georgievich
 The Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies
 of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
 Ulan-Ude, Russia

**THE SONG "ERMAK AND THE TURKISH SULTAN" [XVI, NO. 377]:
 ENRICHMENT OF STEREOTYPE**

Abstract: The article deals with the transformation of the traditional plot of songs about the ethnic hero in the enemy prison in the text "Ermak and the Turkish Sultan" from the collection of Kirshi Danilov. It is shown that the song is modeled on a fundamentally new situation for Russian song folklore – a violation of the norms of international diplomatic relations.

Key words: historical song, transformation of stereotype.

Характеризуя стилевые процессы в русской литературе второй половины XV в., освоение этикетной, стереотипичной книжностью нового исторического содержания, Д.С. Лихачев констатирует, в частности: "В средневековой традиционности – не вялость творчества, а напротив – стремление облечь резкую и отчетливую мысль в жесткие, прочные формы..." [Лихачев, 1982, с. 8]. И далее: "Новое потому так легко создается в Средневековье, что оно не отменяет старое, а только по новому его организует" [Лихачев, 1982, с. 9]. Нечего и говорить, что последние слова легко могут быть отнесены и к фольклору, типологически очень близкому к средневековой книжности. Здесь достаточно вспомнить трансформацию сюжета о герое-захватчике в героя-защитника в былине "Вольга". Однако, другие подобные по отчетливости случаи трансформации заведомо старого в заведомо новое в фольклоре найти, кажется, не столь легко. Будучи заведомо разностадийным и разновременным по своему составу, русский фольклор в том виде, в каком он нам известен, почти синхронен по бытованию, то есть по времени фиксации: основной корпус его текстов записан в относительно небольшом временном диапазоне: со второй половины XVIII в. до середины XX в. (И в этом смысле историческая песня ни старше, ни младше былины, они своего рода "ровесники".) Выбранный для анализа текст именно тем и интересен, что демонстрирует некую "новую организацию" "старого", то есть традиционного, стереотипичного на материале, близком не только по времени записи, но и по времени возможного хронологического приурочения – это XVI в. для песен о Ермаке в турецкой темнице [XVI, № 377–385] и XVIII в. для песен о Чернышове в темнице прусской [XVIII, № 325–345, 348–356, 361, 363, 364, 366–368]. Фабула этого круга текстов в основе практически одна и та же: герой, томящийся во вражеской темнице (то есть не в качестве уголовного преступника), благодаря случаю вступает в разговор либо с султаном, либо с прусским королем, пришедшим мимо темницы. Содержание разговора (как и состояние пленника) может быть различно, но сводимо (не во всем) к нескольким основным мотивам: герой просит-требует либо "кормить-поить его", либо "казнить, либо "на волю выпустить", угрожая иногда обратиться за решительной помощью к соотечественникам; прусский король приглашает Чернышева к себе на службу, получая, разумеется, решительный отказ с угрозами. Собственно, перед нами цикл песен о герое-пленнике, вступающем в разговор с вражеским иноэтническим правителем.

Выбранный же для рассмотрения текст [XVI, № 377], безусловно относясь к этому же кругу текстов, стоит все же на их фоне сильно особняком.

С одной стороны, его фабула во многом построена из тех же элементов, что и в других песнях цикла:

1) Четко и сходно с иными текстами цикла локализована темница, в которой томится Ермак, и дана четкая и типичная характеристика самой темнице:

А и по край было моря синего...
А и стоит крепкой Азов-город...
Среди Азова-города
Стоит темная темница,
А злодейка – земляная тюрьма.

[XVI, № 377, ст. 1, 5, 10–12].

2) Подобно многим иным текстам цикла и в этом "самому царю тому турецкому" идти "мимо той да темной темнице" "лучилося".

3) Подобно многим иным пленникам из этого цикла Ермак кричит "турецкому царю" с требованием:
"Прикажи ты меня поить, кормить,
Либо казнить, либо на волю пустить!"

[XVI, № 377, ст. 30–31].

4) Подобно "прусскому королю" (!) в некоторых текстах о Чернышеве-пленнике (sic!) "турецкий царь" решает выяснить (вызвав для этого "тюремного старосту"): "Еще что за человек сидит?"

Ну, а далее, собственно, и начинается внесение в фабулу некоего нового содержания; здесь точнее было бы сказать, конечно, "отличного", то есть "отличающегося".

Царь приказывает своим "мурзам, улановьям" вести донского казака "ко палатам моим царским". Там он "напоил, накормил доброго молодца и тожно стал его спрашивать", как он, то есть казак, "к нам в Азов попал". И из ответа Ермака вдруг выясняется, что он ни много ни мало:

"... послан из каменной Москвы
К тебе, царю, в Азов-город,
А и послан был скорым послом..."

[XVI, № 377, ст. 59–61].

При этом он вез царю "гостинцы дорогие", но на "заставах твоих" <турецких – А.И.> его, Ермака, всего ограбили, а "мурзы-улановья" его товарищей "рассадили... и по разным темным темницам". Турецкий царь естественно исправляет ситуацию: "отпускает" Ермака и его товарищей "в каменну Москву", "снярядив" и наградив его "златом, серебром, еще питьями заморскими".

Разумеется, говоря о том "новом", что появилось в рассмотренном тексте, мало и лишено смысла говорить о том, что перед нами просто новое разрешение стереотипичной конфликтной ситуации, своеобразное обогащение стереотипа новым историческим содержанием. Никто из исследователей песни не говорил, кажется, что в данном случае мы имеем дело с моделированием дипломатических отношений России с Турцией, а Ермак – первый и единственный (песенный) российский посол. Но сама ситуация, смоделированная в тексте, действительно оригинальна и в известном смысле нова. Фактически, в тексте изображено невольное нарушение норм международных дипломатических сношений и компенсация действий, недопустимых по отношению к иностранному послу.

В аспекте новизны, отступления от стереотипа, привлекают также внимание последние строки текста:

Отлучился донской казак
От Азова-города,
Загулялся донской казак
По матушке Волге-реке,
Не явился в каменну Москву".

Очевидно, что певец опирается здесь на традицию песен и преданий о Ермаке и казаках на Волге. Но, во-первых, делает он это очень свободно, и, главное, тем самым разрушает сложившуюся в цикле, говоря словами Лихачева, "жесткую, прочную форму", как бы приближая песенного государственника и патриота Ермака к его реальному прототипу, каким мы его можем уверенно себе представлять, то есть, образно говоря, допускает проникновение в традиционный текст живого дыхания действительной жизни.

Литература и принятые сокращения

Лихачев Д.С. Литература эпохи исторических размышлений // Памятники литературы древней Руси: Вторая половина XV века. Москва: Художественная литература, 1982. С. 5-20.

XVI – Исторические песни XIII – XVI веков (Памятники русского фольклора) / Изд. подг. Б.Н. Путилов, Б.М. Добровольский. М.-Л.: Изд. АН СССР, 1960. 695 с.

XVIII – Исторические песни XVIII века (Памятники русского фольклора) / Изд. подг. О.Б. Алексеева и Л.И. Емельянов. Л.: Наука, Ленинградское отделение, 1971. 356 с.